

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРГАНСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВООПИК ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И УЧЕТУ ПАМЯТНИКОВ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (1965–1981 гг.)

А. Л. Авдеенко

Курганский государственный университет, г. Курган, Российская Федерация

Статья посвящена анализу деятельности Курганского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в период 1965–1981 годов. На основе архивных материалов Государственного архива Курганской области исследуются процессы выявления, документирования и учета объектов историко-культурного наследия как формы реализации советской политики памяти на региональном уровне. Показано, что ВООПИК сформировало многоуровневую систему, объединившую административные механизмы, общественную инициативу и школьное краеведческое движение. К 1981 году в области было учтено 1192 памятника различных типов – от братских могил и обелисков до домов декабристов и памятников трудовой славы. Особое внимание уделяется роли массового участия населения – школьников, учителей, ветеранов – в процессе «производства памяти». Выявлены внутренние противоречия системы: зависимость от партийных структур, неравномерность развития районных отделений, идеологическая регламентация содержания памяти. Раскрыта специфика Курганской области как региона, где историческая память конструировалась преимущественно через создание нового мемориального ландшафта, а не через реставрацию древних памятников. Исследование вводит в научный оборот ранее не публиковавшиеся архивные документы, позволяющие детально реконструировать механизмы функционирования регионального отделения ВООПИК. Делается вывод о значимости опыта ВООПИК для современной политики сохранения культурного наследия и перспективности его адаптации к условиям гражданского общества.

Ключевые слова: ВООПИК, историческая память, культурное наследие, Курганская область, советская политика памяти, краеведение, мемориализация.

Введение

В честь двадцатилетия Победы в Великой Отечественной войне в СССР разворачивается масштабная мемориальная кампания. По всей стране устанавливаются обелиски, скульптуры, мемориальные комплексы, открываются музеи и комнаты боевой славы, переименовываются улицы, что становится частью государственной стратегии. Однако для реализации этой стратегии требовался не только административный ресурс, но и институт, способный обеспечить дальнейший системный учет, сохранение, интерпретацию и популяризацию объектов историко-культурного наследия на местах. Таким институтом стало Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), учрежденное постановлением Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 года № 882 [1].

Сохранение исторической памяти в советский период всегда было частью идеологической работы, направленной на формирование у граждан чувства преемственности поколений, советской идентичности, патриотизма и верности социалистическим ценностям [2, с. 90]. Историческая память конструировалась как инструмент формирования коллективной идентичности, воспитания лояльного гражданина и укрепления коллективно-

го сознания. ВООПИК, несмотря на свое название «общественное», стало ключевым звеном в этой системе: он сочетал функции учета, реставрационного контроля, просветительской пропаганды и массовой мобилизации. Его региональные и районные отделения, фактически выполняли роль «агентов памяти», т. е. тех, кто переводил директивы Центра в конкретные действия на уровне района, города, села, предприятия, завода и т. д. Впервые в истории страны памятники истории и культуры провозглашаются общенародным достоянием. Ответственность за их охрану была возложена не только на государство, но и на общество, что полноценно воплотилось с появлением ВООПИК [3, с. 208–209].

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, сегодня в рамках изучения исторической памяти большое внимание уделяется не самим событиям прошлого, а тому, как они интерпретируются, сохраняются, транслируются и используются в настоящем. В этом контексте деятельность ВООПИК представляет собой уникальный кейс советской «политики памяти» – управляемой, институционализированной, массовой и одновременно глубоко локальной. Во-вторых, интерес к региональным моделям сохранения памяти

позволяет выйти за рамки столичной или всесоюзной перспективы и увидеть, как общие установки адаптировались к местным условиям, какие возникали противоречия, инициативы, ограничения. В-третьих, сегодня, когда государство вновь обращается к исторической памяти как к ресурсу национального единства, опыт ВООПИК приобретает практическую значимость как успешный (хотя и идеологически обусловленный) пример взаимодействия государства, партии и общества в сфере культурного наследия.

Хронологические рамки исследования (1965–1981 гг.) обусловлены, в первую очередь, состоянием источниковой базы, а именно границами фонда Р-1786 (Курганское областное отделение ВООПИК) Государственного архива Курганской области. 1965 год – это момент создания ВООПИК и его областных структур, включая Курганское областное отделение, образованное по решению облисполкома от 27 сентября 1965 года [4, л. 1]. Именно с этого времени начинается систематическая работа по выявлению, документированию и учету памятников в регионе. Конец 1970-х – 1981 год – это период завершения первого этапа массового мемориального строительства, связанного с юбилеями 50-летия Октября (1967), 100-летия Ленина (1970) и 30-летия Победы (1975). К 1981 году в Курганской области насчитывалось уже 1192 памятника, был создан сводный каталог, отреставрированы ключевые объекты, сформирована система школьного шефства и краеведческой работы [5, л. 8]. 1981 год как верхняя граница обусловлен состоянием источниковой базы исследования. В Государственном архиве Курганской области (фонд Р-1786) массив документов о деятельности отделения охватывает период только до 1981 года включительно.

Опыт Курганской области представляет особый интерес для исследователей советской мемориальной политики именно в силу своей региональной специфики. Созданный в 1943 году регион не обладал большим количеством древнего зодчества. Основа его исторической памяти сложилась иначе: через мемориализацию пребывания декабристов (сохранившиеся усадьбы Розена и Нарышкина в Кургане, дом Кюхельбекера в Смолино), а также увековечивание событий Гражданской войны – от стен Далматовского монастыря до многочисленных захоронений в районах. Особое место заняла и тема тыла: эвакуация, работа госпиталей и заводов. Личностный аспект памяти здесь неразрывно связан с именами Коли Мяготина, комдива Томина и дипломата Красина и др.

Эта особенность заставила ВООПИК сосредоточиться не на реставрации старинных зданий, а на создании нового мемориального ландшафта – через обелиски, бюсты, мемориальные доски, школьные музеи. Здесь память была не данностью, а продуктом – результатом целенаправленной ра-

боты тысяч энтузиастов: учителей, школьников, пенсионеров, рабочих, чиновников. Именно поэтому опыт Курганской области – это опыт «производства памяти» в условиях провинции.

Целью настоящего исследования выступает комплексный анализ деятельности Курганского областного отделения ВООПИК и его районных / городских структур в период с 1965 по 1981 год, с акцентом на процессы выявления, учета и документирования памятников как основы сохранения исторической памяти. В ходе исследования решается важная задача: раскрытие механизмов функционирования Курганского областного отделения ВООПИК как института сохранения исторической памяти через исследование на основе архивных документов его организационной структуры, методов учета памятников, форм взаимодействия с общественностью и государственными органами, а также эволюции смыслов, вкладываемых в категории памятников: от военно-революционных к трудовым и культурным, с целью показать, как именно через практическую деятельность по выявлению и документированию прошлого конструировалась официальная версия истории и формировались устойчивые практики гражданского участия в ее сохранении.

Основу источниковой базы составляют архивные материалы Государственного архива Курганской области (ГАКО), фонд Р-1786 – документы Курганского областного отделения ВООПИК за 1965–1981 годы.

Обзор литературы

Исследование деятельности ВООПИК в советский период – относительно новое направление в отечественной историографии, активно развивающееся с 2010-х годов в рамках предстоящего крупного юбилея общества и возрастающего интереса к практикам историко-культурного активизма. На сегодняшний день опубликован ряд работ, посвященных функционированию ВООПИК в различных регионах СССР, однако системного сравнительного анализа, включая опыт Курганской области, пока не существует.

Так, мы можем выделить статью М. А. Малиш, посвященную деятельности адыгейского отделения ВООПИК. Автор подробно описывает структуру общества, его взаимодействие с местными органами власти и роль в сохранении памятников адыгской культуры, подчеркивая при этом специфику национального региона, где память конструировалась на стыке советской идеологии и этнокультурного наследия [6].

Более широкий теоретический взгляд предлагает П. А. Неплюев, рассматривающий ВООПИК как феномен «публичной истории по-советски». В своих работах он показывает, как общественные структуры, формально подчиненные бюрократическим правилам, тем не менее создавали пространство для гражданской инициативы, особенно

в сфере локальной истории. Особенно ценно суждение, что даже, казалось бы, в рамках строгой бюрократии и контроля активисты умели находить лазейки для реализации собственных проектов [7, 8].

Региональные кейсы позволяют глубже понять разнообразие практик. Так, Д. Н. Филатов анализирует вклад волгоградского отделения в сохранение культурного наследия, акцентируя внимание на реставрации памятников Великой Отечественной войны и роли музеев в просветительской работе [3]. С. С. Наумов на примере Новосибирска исследует роль сообществ интеллигенции в трансляции исторической памяти в позднесоветский период, показывая, как именно через ВООПИК формировалась «интеллектуальная среда» локального патриотизма [9].

Отдельный интерес представляют работы, затрагивающие поздний советский период. А. В. Савоськин и И. В. Новиков рассматривают орловское отделение в годы перестройки, когда ВООПИК стало площадкой для дискуссий о «забытых страницах» истории [10]. Работа В. В. Бахтина и А. А. Припадчева посвящена истокам создания воронежского отделения, что позволяет лучше понять, как именно происходило внедрение модели ВООПИК в регионах с богатыми архитектурными и музейными традициями [2].

Отдельным вопросом остается региональная деятельность органов охраны памятников истории и культуры, которая представлена в исследовательской литературе лишь выборочно на основе некоторых субъектов и регионов Российской Федерации (на примере Адыгеи, Мордовии, Волгоградской, Иркутской, Ярославской областей) [7].

Несмотря на растущее количество публикаций, опыт Курганской области остается неизученным. В то время как большинство исследований сосредоточено на регионах с древними городами или национальными особенностями, Курганская область как регион, где память в рассматриваемый период конструировалась преимущественно через военно-революционные и трудовые символы, представляет собой уникальный случай. Именно поэтому данное исследование призвано заполнить существующий пробел, показав, как в условиях провинции ВООПИК сумело создать мощную, социально вовлеченную систему сохранения исторической памяти, опираясь не на реставрацию, а на документирование, учет и массовое участие.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляет сочетание историко-генетического и историко-системного методов. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию деятельности Курганского областного отделения ВООПИК от момента его создания в 1965 году до формирования устойчивой системы учета памятников к 1981 году, выявить причинно-следственные связи между организационными реше-

ниями и практическими результатами. Историко-системный метод обеспечил возможность рассмотрения ВООПИК как целостной структуры, функционирующей во взаимодействии с партийными органами, исполкомами, учреждениями культуры и образования, общественными организациями.

Институциональный подход дал возможность интерпретировать Курганское областное отделение ВООПИК не только как совокупность инициатив по охране и учету памятников, но и как устойчивый общественно-государственный институт советского периода, обладавший определенной организационной структурой, нормативной базой и механизмами мобилизации населения. Подход позволил проанализировать, каким образом через деятельность ВООПИК на региональном уровне оформлялись устойчивые правила выявления, учета, интерпретации и использования памятников истории и культуры.

Исследование опирается на концепцию «политики памяти», рассматривающую историческую память как социальный конструкт, формируемый через институциональные практики, ритуалы и материальные объекты. В рамках данного подхода деятельность ВООПИК анализируется не только как техническая работа по учету объектов, но и как процесс «производства памяти» – целенаправленного отбора, интерпретации и трансляции определенных версий прошлого.

Источниковую базу исследования составляют документы фонда Р-1786 Государственного архива Курганской области, включающие в себя протоколы заседаний президиума областного совета ВООПИК, отчеты районных и городских отделений, учетные карточки памятников, переписку с исполкомами и учреждениями культуры, материалы областных конференций общества.

Результаты и дискуссия

Анализ деятельности Курганского областного отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры за период с 1965 по 1981 год позволяет сделать вывод, что его главным достижением стало не просто выявление и фиксация сотен объектов историко-культурного наследия, но создание устойчивой, многокомпонентной системы, в которой переплетались административные механизмы, общественная инициатива, школьное образование и идеологическая работа, причем все эти элементы развивались не изолированно, а в тесной взаимосвязи, формируя уникальный региональный опыт управления исторической памятью. Уже в сентябре 1965 года исполком Курганского облисполкома принял решение № 381 «Об образовании оргкомитета по подготовке учредительной конференции областного отделения ВООПИК», в состав которого вошли представители ключевых структур: заместитель председателя облисполкома С. Е. Козы-

рев, начальник областного управления культуры В. В. Подливалов, заведующая отделом по делам строительства и архитектуры В. А. Корочанская, а также деятели культуры, образования, печати, музеев и даже военного ведомства – начальник политотдела облвоенкомата Т. Н. Садов [4, л. 1–2]. Такой широкий состав свидетельствовал о том, что новое общество воспринималось как важный элемент государственной политики. Вопрос сохранения исторического и культурного наследия решался на двух уровнях: государственном и общественном. На государственном уровне формировалась законодательная база и государственные структуры для решения этого вопроса. На общественном уровне зачастую происходил сбор информации, выявление памятников, нуждающихся в реставрации и консервации и т. д. ВООПИК считало в себе два этих начала [6, с. 9].

Уже 28 октября 1965 года исполком издал распоряжение № 1022-р, обязавшее все районные и городские исполкомы до 5 ноября создать свои оргкомитеты и начать подготовку к учредительным конференциям. Таким образом, процесс развивался сверху вниз, но с обязательным вовлечением местных сил. Уже в октябре 1965 года был утвержден план мероприятий областного оргкомитета, который предусматривал заседания по организации конференций в районах, рассылку методических писем о целях и задачах общества, переучет всех памятников к 15 ноября 1965 года, проведение районных и городских конференций до 10 декабря и, наконец, областную учредительную конференцию до 20 декабря 1965 года [11, л. 1]. Эта продуманная организация позволила уже к началу 1966 года иметь разветвленную структуру: к февралю 1966 года были созданы отделения во всех районах и двух городах областного подчинения Кургане и Шадринске. Президиум областного совета, возглавляемый В. Гусевым, стал координирующим органом, а ответственным секретарем была назначена В. Шаталова [12, л. 1].

Первые месяцы деятельности были посвящены не только организационному оформлению, но и диагностике ситуации. Уже в августе 1966 года исполком областного Совета принял решение, в котором констатировалось: «Большинство зданий-памятников находится в неудовлетворительном техническом состоянии... ремонтно-реставрационные работы до последнего времени не развернуты... в особо неудовлетворительном состоянии находится Далматовский монастырь... обелиски, установленные в честь воинов, погибших в годы гражданской войны, ничем не отмечены... пропаганда исторических памятников ведется неудовлетворительно» [13, л. 1]. Это решение стало программным документом, задавшим вектор деятельности ВООПИК на ближайшие годы: учет → реставрация → пропаганда → идеологическое использование. С момента появления основными

задачами ВООПИК становятся выявление, сохранение, реставрация памятников истории и культуры «для воспитания эстетического чувства патриотизма у народа». Прежде всего активисты ВООПИК брали на себя работу по паспортизации (учету) памятников [8, с. 83]. Уже в 1966 году была определена главная задача – «проведение учета всех памятников истории и культуры, обелисков, братских могил» и начало подготовки материалов к путеводителям [12, л. 1, 4].

Параллельно стартовала работа по вовлечению населения: в Шадринске, например, уже в 1966 году школьники и студенты вместе с музеем начали составлять списки памятников, готовить корреспонденции в газеты, выступать по радио [14, л. 2]. Были составлены списки, сделаны фотографии, начата работа над книгой «Исторические памятники Шадринска», которая вышла в 1968 году и стала первым в области научно-популярным изданием такого рода [15, л. 31]. В других районах процесс шел медленнее, но не менее целенаправленно. В Петуховском районе, где изначально сообщали, что «работа по организации общества не ведется вообще», к концу 1966 года уже выявлено 3 обелиска и 24 братские могилы, причем началась точная идентификация захороненных [16, л. 14]. В Варгашином районе составили детальные карточки на каждый памятник с указанием адреса, состояния, шефствующей организации, текста мемориальной доски и даже даты составления справки 27 февраля 1968 года [17, л. 20–39]. К слову, это единственный район, так ответственно отнесшийся к учету памятников. К 1968 году масштабы выявленного наследия поражали: по данным второй областной конференции ВООПИК, проведенной в марте 1968 года, в области было учтено 533 памятника, включая 215 – участникам Гражданской войны и 278 – погибшим в Великой Отечественной войне [15, л. 29]. При этом под государственной охраной находилось лишь 11 объектов – преимущественно церкви XVII–XVIII веков, такие как Далматовский монастырь, Спасо-Преображенский собор в Шадринске, церковь в Карачельском [15, л. 30].

Особенно ценными представлялись не только военные, но и дореволюционные памятники, связанные с декабристами. В Кургане были официально зафиксированы три дома: А. Е. Розена (ул. Советская, 67), М. М. Нарышкина (ул. Климова, 80а) и В. К. Кюхельбекера (пос. Смолино) [17, л. 10–12]. По настоянию общества исполком принял решение освободить дом Нарышкина от жильцов и передать его краеведческому музею, а также ходатайствовать перед Советом Министров РСФСР о принятии его под государственную охрану [13, л. 3]. Это был важный шаг: превращение частного жилого дома в музей-мемориал символизировало переход от стихийного почитания к институциональному сохранению памяти [18, с. 6–7].

Однако если в городах работа шла более или менее организованно, то в сельской местности она зависела от энтузиазма местных активистов. В Шумихинском районе, например, справка от июля 1967 года констатировала: «Не выявлены памятники, характеризующие первые годы Советской власти... хотя события 1917–1921 годов представляют особый интерес» [19, л. 18]. В Целинном районе, напротив, отметили: «Проведена серьезная работа по созданию памятников погибшим... это надо отнести к положительному факту деятельности района» [19, л. 20]. Такая неравномерность была типичной для всей страны [8, с. 86]: успех зависел не столько от директив сверху, сколько от наличия на местах инициативных учителей, директоров музеев (в т. ч. при школах), секретарей комсомольских организаций. Но при этом каждый региональный филиал организации стремился отобразить и местную специфику [9, с. 274].

Особую роль в формировании мемориальной среды играла «поисковая работа», которая объединяла разные поколения: от школьных активистов до пенсионеров-фронтовиков, – восстанавливая страницы истории через архивы и запросы в ЦАСА (Центральный архив Советской Армии). Так, например, в г. Далматово местная братская могила годами числилась безымянной, пока в 1968 году после пятилетней кропотливой переписки и изучения свидетельств не выяснилось, что здесь покоится Станислав Рукманис – разведчик 16-го Латышского полка, погибший 30 июля 1919 года при освобождении города от колаковцев. После этого на памятнике появилась надпись, а между средними школами Далматово и Кауната (Латвия) началось соревнование за право носить имя героя [20, л. 17]. Такая практика не была уникальной: аналогичные случаи фиксируются в материалах по Варгашиному, Притобольному, Каргапольскому районам, где школьные кружки вели летописи земляков, собирали фотографии, вели переписку с родственниками погибших. Например, в Глядянской средней школе Притобольного района краеведческий кружок под руководством Л. М. Чупровой занимался поиском информации о бойцах, погибших в 1919 году под деревней Художиткова. Их могила была забыта, памятник разрушен – школьники предлагали установить новый обелиск [21, л. 62]. Эти примеры показывают, что выявление памятников стало не просто технической процедурой, а формой гражданского участия, коллективного исторического исследования. Через эту деятельность население заново «открывало» свое прошлое, вживалось в него, делало его частью своей идентичности. ВООПИК играло здесь роль не только координатора, но и связующего звена между государством и обществом [8, с. 82].

К середине 1970-х годов, когда основной массив военно-революционных памятников был уже учтен, ВООПИК начало расширять типологию

объектов. На повестку дня вышли памятники трудовой, научной и культурной деятельности. В 1970 году на президиуме областного совета прозвучало предложение: «Нам нужно открывать новые и новые памятники трудовой славы... можно, например, установить на заводах мемориальные доски, свидетельствующие о том, что они находились в числе первых национализированных Советской властью предприятий» [22, л. 28]. Эта идея получила развитие в последующие годы. В 1975 году в Кургане появилась мемориальная доска на здании, где в годы войны находился Петергофский госпиталь (ул. Омская) [23, л. 75]. В 1978 году в Шадринске открыли доску в честь И. И. Молессона – основателя санитарной службы в России [24, л. 49]. В 1980 году в Половинском районе установили доску на доме трактористки Е. И. Родионовой – Героя Социалистического Труда [25, л. 107].

Особенно важно, что в этот период начинается систематическая работа по увековечиванию имен деятелей политики, науки и культуры. В 1977 году в Шадринске началась работа над бюстом выдающегося советского скульптора, уроженца города И. Д. Шадра [26, л. 6]. В 1978 году в Кургане был торжественно открыт памятник государственному деятелю, дипломату, соратнику Ленина, уроженцу города Л. Б. Красину. Скульптура, выполненная Ю. Л. Черновым, изображала Красина энергично шагающим на фоне красных мраморных знамен, символом решимости и революционного порыва [27, л. 7]. В 1977 году в селе Мальцево Шадринского района был установлен бюст Терентию Семеновичу Мальцеву – дважды Герою Социалистического Труда, академику ВАСХНИЛ, новатору земледелия [27, л. 7]. К 1981 году в областном каталоге насчитывалось уже 1192 памятника, включая 257 – участникам Гражданской войны, 713 – погибшим в Великую Отечественную войну, 93 – историко-революционных, 14 – архитектурных, 33 – археологических, 72 – монументального искусства, включая 42 памятника Ленину [5, л. 8]. Эта цифра говорит не только о количественном росте, но и о качественном изменении: память становилась многомерной, включающей в себя не только героев фронта, но и тружеников тыла, ученых, педагогов, писателей, художников.

Однако эта деятельность не была свободна от противоречий. Во-первых, сохранялась жесткая зависимость от партийных структур. Многие проекты затягивались годами – как в случае с домом Нарышкина, реставрация которого началась лишь спустя десятилетие после принятия решения [23, л. 76]. Во-вторых, наблюдалась неравномерность развития: если в Кургане и Шадринске памятники содержались образцово, то в ряде сельских районов они быстро приходили в упадок. Как отмечалось в 1977 году: «Обелиски и памятники ставятся не качественно... уже требуют ремонта... в малых населенных пунктах обелиски выглядят

неприглядно» [21, л. 20]. В-третьих, идеологическая регламентация жестко определяла, какие события и лица достойны памяти. Акцент делался исключительно на героическом, победном, классово выверенном прошлом. Именно поэтому были спасены сотни объектов, которые в противном случае были бы утрачены: дома декабристов, церкви XVIII века, братские могилы, здания, связанные с революционными событиями, что сегодня составляет основу экскурсионных и туристических маршрутов, школьных программ, научных исследований. Более того, ВООПИК создало устойчивую модель взаимодействия государства и общества в сфере сохранения памяти. Эта модель, основанная на шефстве, волонтерстве, просветительской деятельности, может и должна быть адаптирована к современным условиям. Сегодня, когда финансирование культуры ограничено, а интерес к истории у молодежи снижается, опыт 1960-х – 1981 годов становится особенно ценным. ВООПИК сумело сделать память живой, востребованной, социально значимой. И задача современной региональной политики не только сохранить это наследие, но и развить его, открыв для новых смыслов, новых имен, новых историй.

Выводы

Анализ работы Курганского отделения ВООПИК в 1965–1981 годах приводит к следующим выводам: главное достижение Общества заключалось не в сухой статистике возведенных стел / памятников или отремонтированных фасадов. Главным итогом стало формирование живого и гибкого механизма сопричастности. Благодаря этой структуре историческая память из абстрактной категории превратилась в личное дело для жителей области: от заводских рабочих и сельских учителей до школьников и ветеранов. Регистрация и учет памятников оказались лишь первыми шагами более глубокого процесса «производства памяти». Здесь каждый мемориал превращался в «место памяти» и пространство для диалога поколений.

ВООПИК выступало не в роли надзорного органа, а скорее как модератор и связующая нить между государственным аппаратом и локальными инициативами граждан. И это позволило соединить разрозненные практики школ, сельсоветов и библиотек. Результатом этой координации стал большой массив документации: учетные карточки, фотофиксация, списки имен и протоколы.

Важно подчеркнуть: успех этой политики держался не исключительно на директивах сверху, а на массовой вовлеченности. Память рождалась «снизу», в рамках хотя и жесткого, но идеологического поля: пока школы вели архивный поиск, заводы брали на себя финансирование установки мемориалов, а колхозы закладывали памятные аллеи. Деятельность ВООПИК в этот период – это работа полноценного социокультурного института, который не просто инвентаризировал объекты,

но вписывал их в повседневность через ритуалы, школьные программы и туристические маршруты. Многие памятники области уцелели в постсоветские годы именно потому, что за ними стоял не призрачный «госнадзор», а вполне ощущаемая ответственность конкретного трудового коллектива или школьного отряда.

Однако анализ также выявил внутренние противоречия этой системы. Зависимость от партийных структур тормозила реализацию многих проектов, как в случае с домом Нарышкина, реставрация которого началась лишь спустя десять лет после принятия решения. Неравномерность развития привела к тому, что в одних районах памятники содержались образцово, а в других – приходили в запустение уже через несколько лет. Идеологическая регламентация ограничивала рамки «приемлемого прошлого», герои фронта и революции возводились в абсолюты, тогда как сложные, трагические, неоднозначные страницы истории оставались за бортом официального нарратива.

Литература

1. Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всесоюзного добровольного общества охраны памятников истории и культуры» // Собрание постановлений правительства РСФСР за 1965 г. – М. : Юридическая литература, [б. г.]. – № 1–26.
2. Бахтин, В. В. Возникновение Воронежского отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры / В. В. Бахтин, А. А. Припадчев // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2022. – № 15 (17). – С. 87–93.
3. Филатов, Д. Н. Вклад Волгоградского отделения ВООПИК в сохранение культурного наследия Волгоградской области во второй половине XX века / Д. Н. Филатов // Новая наука: современное состояние и пути развития : материалы Международной научно-практической конференции. – Нефтекамск, 2016. – С. 208–211.
4. Государственный архив Курганской области (ГАКО). – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 1.
5. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 169.
6. Малиш, М. А. Деятельность областного отделения Всесоюзного добровольного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) на территории Адыгеи / М. А. Малиш // Научный журнал КубГАУ. – 2016. – № 121 (07). – С. 1–12.
7. Неплюев, П. А. «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он равнодушен к своей стране»: историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период / П. А. Неплюев // Культурный код. – 2020. – № 3. – С. 38–49.
8. Неплюев, П. А. Публичная история «посовetsки». Региональные отделения Всесоюзского общества охраны памятников истории

и культуры: «бюрократические правила игры» и историко-культурный активизм / П. А. Неплюев // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2022. – № 3 (58). – С. 79–93.

9. Наумов, С. С. Местные сообщества интеллигенции и проблема трансляции исторической памяти (на примере деятельности Новосибирского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1985–1991 гг.) / С. С. Наумов // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 8, вып. 4. – С. 272–277.

10. Савоськин, А. В. Орловское областное отделение общества охраны памятников в период развертывания политики «перестройки» в 1985–1988 гг. / А. В. Савоськин, И. В. Новиков // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – № 3 (49). – С. 49–62.

11. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 2.

12. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 6.

13. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 3.

14. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 11.

15. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 16.

16. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 7.

17. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 27.

18. Авдеенко, А. Л. «Первые революционные борцы против царизма»: сохранение памяти о ссыльных декабристах в Кургане в советский период / А. Л. Авдеенко // История. Сибирь. Декабристы : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня выступления на Сенатской площади и 50-летию со дня открытия курганского Дома-музея декабристов ; под ред. Д. Н. Маслюженко (отв. ред.), Е. А. Вьюговой. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2025. – С. 3–11.

19. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 13.

20. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 32.

21. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 105.

22. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 47.

23. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 89.

24. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 123.

25. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 158.

26. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 104.

27. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 127.

Авдеенко Алексей Леонидович – старший преподаватель кафедры истории и документоведения, Курганский государственный университет (Курган), e-mail: avdeenkoalexey@yandex.ru ORCID 0009-0006-5101-3938

Поступила в редакцию 10 сентября 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260401

ACTIVITIES OF THE KURGAN REGIONAL BRANCH OF VOOPIK IN IDENTIFYING AND RECORDING MONUMENTS AS A BASIS FOR PRESERVING HISTORICAL MEMORY (1965–1981)

A. L. Avdeenko

Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation

The article analyzes the activities of the Kurgan Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK) during the period 1965–1981. Based on archival materials from the State Archive of the Kurgan Region, the processes of identifying, documenting, and recording objects of historical and cultural heritage are examined as a form of implementing Soviet memory policy at the regional level. It is shown that VOOPIK formed a multi-level system that united administrative mechanisms, public initiative, and the school local history movement. By 1981, 1,192 monuments of various types had been recorded in the region – from mass graves and obelisks to Decembrist houses and monuments of labor glory. Particular attention is paid to the role of mass participation of the population – schoolchildren, teachers, veterans – in the process of “memory production”. Internal contradictions of the system are identified: dependence on party structures, uneven development of district branches, and ideological regulation of memory content. The specificity of the Kurgan Region is revealed as a territory where historical memory was constructed primarily through the creation of a new memorial landscape rather than through the restoration of ancient monuments. The study introduces into scientific circulation previously unpublished archival documents that allow for a detailed reconstruction of the functioning mechanisms of the VOOPIK regional branch. The conclusion is drawn about the significance of VOOPIK’s experience for modern cultural heritage preservation policy and the prospects for its adaptation to civil society conditions.

Keywords: VOOPIK, historical memory, cultural heritage, Kurgan Region, Soviet memory policy, local history studies, memorialization.

References

1. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 23 iyulya 1965 g. № 882 “Ob organizatsii Vserossiyskogo dobrovol’nogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul’tury” [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of July 23, 1965, № 882 “On the Organization of the All-Russian Voluntary Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments”] // *Sobranie postanovleniy pravitel’sstva RSFSR za 1965 g.* Moscow: Legal literature, [n. d.]. № 1–26.
2. Bakhtin V.V., Pripadchev A.A. Vozniknovenie Voronezhskogo otdeleniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul’tury [Emergence of the Voronezh Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments] // *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2022. № 15 (17). P. 87–93.
3. Filatov D.N. Vklad Volgogradskogo otdeleniya VOOPIK v sokhranenie kul’turnogo naslediya Volgogradskoy oblasti vo vtoroy polovine XX veka [The Contribution of the Volgograd Branch of VOOPIK to the Preservation of the Cultural Heritage of the Volgograd Region in the Second Half of the Twentieth Century] // *Novaya nauka: sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. 2016. P. 208–211.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Kurganskoy oblasti (GAKO) [State Archive of the Kurgan Region (SACR)]. F. R-1786. Op. 1. D. 1.
5. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 169.
6. Malish M.A. Deyatel’nost’ oblastnogo otdeleniya Vserossiyskogo dobrovol’nogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul’tury (VOOPIK) na territorii Adygei [Activities of the Regional Branch of the All-Russian Voluntary Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK) in Adygea] // *Nauchnyy zhurnal KubGAU*. 2016. № 121 (07). P. 1–12.
7. Neplyuev P.A. “Esli chelovek ravnodushen k pamyatnikam istorii svoey strany, on ravnodushen k svoey strane”: istoriograficheskiy obzor istoriko-kul’turnogo aktivizma v pozdnesovetskiy period [“If a Person Is Indifferent to the Historical Monuments of Their Country, They Are Indifferent to Their Country”: A Historiographical Review of Historical and Cultural Activism in the Late Soviet Period] // *Kul’turnyy kod*. 2020. № 3. P. 38–49.
8. Neplyuev P.A. Publichnaya istoriya “po-sovetski”. Regional’nye otdeleniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul’tury: “byurokraticheskie pravila igry” i istoriko-kul’turnyy aktivizm [Public History in the Soviet Style. Regional Branches of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments: “Bureaucratic Rules of the Game” and Historical and Cultural Activism] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2022. № 3 (58). P. 79–93.
9. Naumov S.S. Mestnye soobshchestva intelligentsii i problema translyatsii istoricheskoy pamyati (na primere deyatel’nosti Novosibirskogo otdeleniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul’tury v 1985–1991 gg.) [Local Communities of Intellectuals and the Problem of Transmission of Historical Memory (Based on the Activities of the Novosibirsk Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in 1985–1991)] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2017. Vol. 8, Iss. 4. P. 272–277.
10. Savos’kin A.V., Novikov I.V. Orlovskoe oblastnoe otdelenie obshchestva okhrany pamyatnikov v period razvertyvaniya politiki “perestroyki” v 1985–1988 gg. [The Orel Regional Branch of the Society for the Protection of Monuments During the Period of the Expansion of the Perestroika Policy in 1985–1988] // *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal’nogo upravleniya*. 2023. № 3 (49). P. 49–62.
11. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 2.
12. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 6.
13. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 3.
14. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 11.
15. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 16.
16. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 7.
17. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 27.
18. Avdeenko A.L. “Pervye revolyutsionnye bortsy protiv tsarizma”: sokhranenie pamyati o ssyl’nykh dekabristakh v Kurgane v sovetskiy period [“The First Revolutionary Fighters Against Tsarism”: Preserving the Memory of the Exiled Decembrists in Kurgan During the Soviet Period] // *Istoriya. Sibir’. Dekabristy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya vystupleniya na Senatskoy ploshchadi i 50-letiyu so dnya otkrytiya kurganskogo Doma-muzeya dekabristov; pod red. D.N. Maslyuzhenko (otv. red.), E.A. V’yugovoy*. Kurgan: Publishing house of the Kurgan State University, 2025. P. 3–11.

19. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 13.
20. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 32.
21. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 105.
22. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 47.
23. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 89.
24. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 123.
25. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 158.
26. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 104.
27. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 127.

Alexey L. Avdeenko – Senior Lecturer at the Department of History and Documentation, Kurgan State University (Kurgan), e-mail: avdeenkoalexey@yandex.ru

Received September 10, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Авдеенко, А. Л. Деятельность Курганского областного отделения ВООПИК по выявлению и учету памятников как основа сохранения исторической памяти (1965–1981 гг.) / А. Л. Авдеенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 6–14. DOI: 10.14529/ssh260401

FOR CITATION

Avdeenko A. L. Activities of the Kurgan regional branch of VOOPIK in identifying and recording monuments as a basis for preserving historical memory (1965–1981). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 6–14. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260401
